

Вымыслы и фальсификации в оценках роли СССР накануне и с началом Второй мировой войны

ОЦЕНКА роли СССР в событиях кануна и начала Второй мировой войны длительное время является темой обсуждения политиков, учёных, специалистов и общественности. Сегодня связанные с этим антироссийские выпады зачастую базируются на искажённых и сфальсифицированных трактовках деятельности руководства СССР в тот период. Всё чаще в наше время появляются в СМИ мнения о том, что «началась новая холодная война»¹. Некоторые западные авторы отмечают: «...пришло время взглянуть в лицо горькой правде: Россия вернулась; она богата, сильна и снова враждебна. Партнёрство уступает место соперничеству, в котором всё сильнее прослеживаются угрожающие нотки. Началась новая холодная война — и мы, как и в сороковые годы прошлого века, слишком медленно это замечаем»². Обращает на себя внимание та лёгкость, с которой навешиваются ярлыки на государства, исторически связанные с Россией. Так, отмечается, что отдельные страны Европы, в частности «Болгария, Латвия и Молдова, уже сдались на милость России»³.

Делая попытки представить СССР зачинщиком Второй мировой войны или, в крайнем случае, возложить равную ответственность за её развязывание на «двух кровавых диктаторов» — Сталина и Гитлера, современные фальсификаторы используют в качестве своего излюбленного аргумента подписание 23 августа 1939 года договора о ненападении между Германией и Советским Союзом.

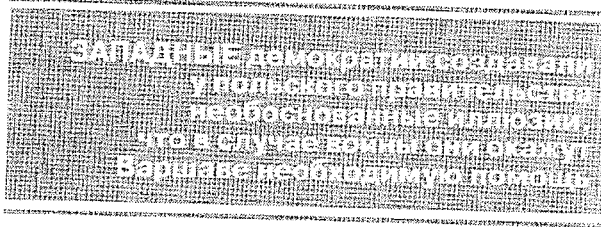
Известно, что исторические факты следует рассматривать и оценивать только в контексте происшедшего в конкретный период времени. Анализируя советско-германский договор, нельзя забывать и о другом соглашении, заключённом без малого за год до этого в Мюнхене. Эти события тесно взаимосвязаны. Именно случившееся в столице Баварии во многом определило дальнейшую политику СССР.

Все, кто непредвзято изучал историю Второй мировой войны, знают, что она началась из-за отказа Польши удовлетворить германские претензии. Однако менее известно, чего же именно добивался от Варшавы А. Гитлер. Между тем требования Германии были весьма умеренными: включить вольный город Данциг в состав «третьего рейха», разрешить постройку экстерриториальных шоссе и железной дорог, которые связали бы Восточную Пруссию с основной частью Германии⁴. Первые два требования трудно назвать необоснованными. Подавляющее большинство жителей отторгнутого от Германии согласно Версальскому мирному договору Данцига составляли немцы⁵, искренне желавшие воссоединения с исторической родиной. Вполне естественным было и требование насчёт дорог, тем более что на земли разделяющего две части Германии «польского коридора» при этом не покушались. Кстати, в отличие от запад-

ных границ Германия никогда добровольно не признавала внесённых Версальским договором территориальных изменений на востоке⁶.

Поэтому, когда Германия 24 октября 1938 года предложила Польше урегулировать проблемы Данцига и «польского коридора»⁷, казалось, что ничто не предвещало осложнений. Однако ответом стал решительный отказ, как, впрочем, и на последующие аналогичные германские предложения. Стремясь получить статус великой державы, Польша никоим образом не желала становиться младшим партнёром Германии. 26 марта 1939 года Польша окончательно отказалась удовлетворить германские претензии⁸. Реакцией германской стороны стало аннулирование 28 апреля германо-польской декларации 1934 года о дружбе и ненападении⁹.

Тем временем западные демократии создавали у польского правительства необоснованные иллюзии, что в случае войны они окажут Варшаве необходимую помощь. 31 марта 1939 года премьер-министр Великобритании Н. Чемберлен в палате общин публично заявил: «...в случае любой акции, которая будет явно угрожать независимости Польши... правительство Его Величества считает себя обязанным немедленно оказать польскому правительству всю поддержку, которая в его силах. Оно дало польскому правительству заверение в этом.

Я могу добавить, что французское правительство уполномочило меня разъяснить, что оно занимает по этому вопросу ту же позицию, что и правительство Его Величества»¹⁰. Как показали дальнейшие события, эти обещания были заведомым обманом. Однако польское руководство принимало их за чистую монету и потому всё больше утрачивало чувство реальности.

Американский журналист У. Ширер, изучавший реалии польской жизни в течение 30 лет, прокомментировал предоставление английских гарантий Польше следующим образом: «Вполне можно застраховать пороховой завод, если на нём соблюдаются правила безопасности, однако страховать завод, полный сумасшедших, немного опасно»¹¹.

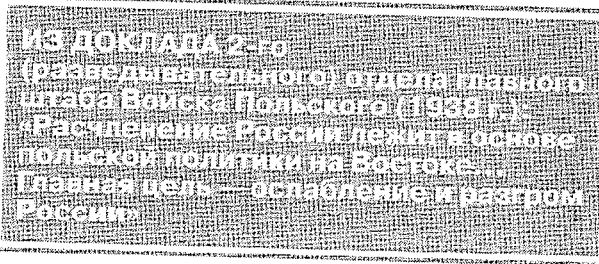
Происходившие в Европе события, нарастающая агрессивность Германии не могли не вызывать беспокойства у советского руководства. Казалось бы, для сдерживания устремлений А. Гитлера следовало пойти на союз с западными демократиями. Однако, как отмечал

У. Черчилль, «Мюнхен и многое другое убедили Советское правительство, что ни Англия, ни Франция не станут сражаться, пока на них не нападут, и что даже в этом случае от них будет мало проку»¹². Было очевидно, что цель проводимой западными державами политики «умиротворения» Гитлера — направить агрессию Германии на восток, то есть против СССР. Как сказал Н. Чемберлен 12 сентября 1938 года накануне своей встречи с А. Гитлером, «Германия и Англия являются двумя столпами европейского мира и главными опорами против коммунизма, и поэтому необходимо мирным путём преодолеть наши нынешние трудности... Наверное, можно будет найти решение, приемлемое для всех, кроме России»¹³.

В этой ситуации советское руководство сделало естественный вывод — сотрудничать с Англией и Францией можно только заручившись военным договором с чётко и недвусмысленно прописанными обязательствами сторон.

17 апреля 1939 года Москва предложила заключить англо-франко-советский договор о взаимопомощи следующего содержания:

«1. Англия, Франция, СССР заключают между собой соглашение сроком на 5—10 лет о взаимном обязательстве оказывать друг другу немед-

ленно всяческую помощь, включая военную, в случае агрессии в Европе против любого из договаривающихся государств.

2. Англия, Франция, СССР обязуются оказывать всяческую, в том числе и военную, помощь восточноевропейским государствам, расположенным между Балтийским и Чёрным морями и граничащим с СССР, в случае агрессии против этих государств.

3. Англия, Франция и СССР обязуются в кратчайший срок обсудить и установить размеры и формы военной помощи, оказываемой каждым из этих государств во исполнение §1 и §2.

4. Английское правительство разъясняет, что обещанная им Польше помощь имеет в виду агрессию исключительно со стороны Германии.

5. Существующий между Польшей и Румынией договор объявляется действующим при всякой агрессии против Польши и Румынии, либо же вовсе отменяется как направленный против СССР.

6. Англия, Франция и СССР обязуются после открытия военных действий не вступать в какие бы то ни было переговоры и не заключать мира с агрессорами отдельно друг от друга и без общего всех трёх держав согласия.

7. Соответствующее соглашение подписывается одновременно с конвенцией, имеющей быть выработанной в силу §3.

8. Признать необходимым для Англии, Франции и СССР вступить совместно в переговоры с

Турцией об особом соглашении о взаимной помощи»¹⁴.

Однако западных партнёров подобная постановка вопроса явно не устраивала. 26 апреля на заседании английского правительства министр иностранных дел лорд Э. Галифакс заявил, что «время ещё не созрело для столь всеобъемлющего предложения»¹⁵. Англия и Франция надеялись получить от Советского Союза односторонние обязательства. Так, на заседании кабинета министров 3 мая Галифакс сообщил о своём намерении запросить Россию: «не будет ли она готова сделать одностороннюю декларацию о том, что она окажет помощь в такое время и в такой форме, которая могла бы оказаться приемлемой для Польши и Румынии»¹⁶.

6 мая 1939 года временный поверенный в делах СССР в Германии Г.А. Астахов сообщил в Наркомат иностранных дел (НКИД) о реакции в связи со сменой наркомом немецкой печати, которая пыталась «создать впечатление о вероятности поворота нашей политики в желательном для них смысле (отход от коллективной безопасности и т.п.)»¹⁷. Днём раньше, 5 мая, заведующий восточноевропейской референтурой отдела экономической политики МИД Германии К.-Ю. Шнурре пригласил в министерство полпреда А.Ф. Мерекалова, который в тот же день уезжал в Москву, и сообщил ему, что договоры бывшего торгпредства в Праге с заводом «Шкода», по мнению германского правительства, «должны выполняться». «Соответствующие указания, — продолжал Шнурре, — даны военным властям и заводу „Шкода“». Он заверил, что «никаких препятствий к выполнению фирмой её обязательств отныне не предвидится»¹⁸. Это был явный жест немецкой стороны, поскольку только 17 апреля советские представители в Берлине протестовали против «вмешательства германских военных властей» в нормальную хозяйственную деятельность торгпредства¹⁹.

В.М. Молотов не торопился воспринимать немецкие сигналы. Он продолжал вести активные переговоры с Великобританией и Францией через их дипломатических представителей в Москве. 8 мая нарком принял британского посла У. Сидса, который передал ответ своего правительства на предложение СССР о заключении пакта о взаимопомощи. Ответ был обескураживающий. Британское руководство предлагало советскому правительству опубликовать декларацию, в которой оно обязывалось бы «в случае вовлечения Великобритании и Франции в военные действия во исполнение принятых ими обязательств оказать немедленное содействие, если оно будет желательным»²⁰. Таким образом, англичане уклонились от конкретного ответа на вопрос о пакте, сводя его к опубликованию очередной декларации.

В ТОТ ЖЕ ДЕНЬ нарком проинформировал полпреда во Франции Я.З. Сурица о сделанном англичанами предложении и просил его срочно сообщить свое мнение по этому вопросу²¹. Характеризуя высказанное предложение в телеграмме наркому, Суриц писал 10 мая: «Оно втягивает нас автоматически в войну с Германией» из-за данных Англией и Францией «без согласия и без согласования с

нами обязательств»²². Исходя из этих и других подобного рода соображений, нарком сформулировал свою позицию.

14 мая 1939 года В.М. Молотов вызвал английского посла У. Сидса и вручил ему памятную записку, содержащую ответ на английское предложение. В ней говорилось: «Английские предложения не содержат в себе принципа взаимности в отношении СССР и ставят его в неравное положение. Советское правительство полагает, что для создания действительного барьера миролюбивых государств против дальнейшего развёртывания агрессии в Европе необходимо: заключение между Англией, Францией и СССР эффективного пакта о взаимопомощи против агрессии; гарантирование со стороны трёх великих держав государств Центральной и Восточной Европы, находящихся под угрозой агрессии, включая страны Прибалтики и Финляндии; заключение конкретного соглашения между Англией, Францией и СССР о формах и размерах помощи»²³.

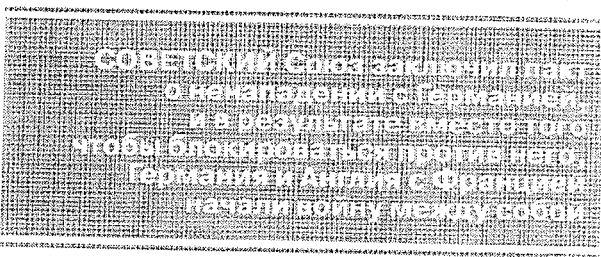
Оценивая советские предложения от 14 мая, полпред в Лондоне И.М. Майский в своём дневнике отметил, что они поставили «британское правительство в очень трудное положение. Наши предложения ясны, просты, разумны и способны апеллировать к сознанию простого человека»²⁴. «С другой стороны, — продолжал полпред, — гарантии, данные Великобританией Польше, Румынии и Греции, делают безусловно необходимым достижение договорённости с Советским Союзом, поскольку чего-то реально Великобритания и Франция для Польши или Румынии сделать не смогут. Пока британская блокада против Германии станет для последней серьёзной угрозой, Польша и Румыния перестанут существовать»²⁵.

Только 25 июля английское, а на следующий день и французское правительство приняли предложение СССР приступить к переговорам о заключении военной конвенции и выразили готовность послать своих представителей в Москву²⁶. Переговоры начались 12 августа.

Все перипетии этих завершившихся безрезультатно переговоров хорошо известны. Нет смысла ещё раз рассматривать их ход. Следует только обратить особое внимание на те реальные цели, которые преследовали стороны. Так, инструкция для отправлявшейся в Москву британской делегации прямым текстом предписывала «вести переговоры весьма медленно»²⁷, стараясь избегать конкретных обязательств: «Британское правительство не желает быть втянутым в какое бы то ни было определённое обязательство, которое могло бы связать нам руки при любых обстоятельствах. Поэтому в отношении военного соглашения следует стремиться к тому, чтобы ограничиваться сколь возможно более общими формулировками»²⁸.

СОВЕРШЕННО другой была позиция советского руководства. Глава французской делегации генерал Ж. Думенк, докладывая о ходе переговоров в военное министерство Франции, в телеграмме от 17 августа 1939 года констатировал: «Нет сомнения в том, что СССР желает заключить военный пакт и что он не хочет, чтобы мы представили ему какой-либо документ, не имеющий конкретного значения»²⁹.

Главным камнем преткновения стал вопрос о пропуске советских войск через территорию Польши и Румынии. Дело в том, что на тот момент СССР не имел общей границы с Германией. Поэтому было непонятно, каким образом в случае начала войны советские войска смогут вступить в боевое соприкосновение с германской армией. На заседании военных делегаций 14 августа 1939 года К.Е. Ворошилов задал по этому поводу конкретный вопрос: «В общем абрис весь понятен, но положение Вооружённых Сил Советского Союза не совсем ясно. Непонятно, где они территориально пребывают и как они физически принимают участие в общей борьбе»³⁰. Для того чтобы Красная армия могла с первых же дней войны принять участие в боевых действиях, советские войска должны были пройти через польскую территорию. При этом зоны их прохода строго ограничивались: район Вильно (так называемый Виленский коридор) и Галиция³¹. Глава французской делегации генерал Ж. Думенк в телеграмме военному министру Франции от 15 августа 1939 года подчёркивал: «Отмечаю большое значение, которое с точки зрения устранения опасения поляков имеет тот факт, что русские очень строго огра-

ничивают зоны вступления [советских войск], становясь исключительно на стратегическую точку зрения»³².

Однако поляки об этом и слышать не хотели. Так, вечером 19 августа 1940 года маршал Э. Рыдз-Смиглы заявил: «Независимо от последствий, ни одного дюйма польской территории никогда не будет разрешено занять русскими войскам»³³. А министр иностранных дел Польши Ю. Бек сообщил французскому послу в Варшаве Л. Ноэлю: «Мы не допустим, что в какой-либо форме можно обсуждать использование части нашей территории иностранными войсками»³⁴.

В датированном декабрем 1938 года докладе 2-го (разведывательного) отдела главного штаба Войска Польского подчёркивалось: «Расчленение России лежит в основе польской политики на Востоке... Поэтому наша возможная позиция будет сводиться к следующей формуле: кто будет принимать участие в разделе. Польша не должна остаться пассивной в этот замечательный исторический момент. Задача состоит в том, чтобы заблаговременно хорошо подготовиться физически и духовно... Главная цель — ослабление и разгром России»³⁵.

В ходе военных переговоров с Великобританией и Францией советское руководство ещё раз убедилось в справедливости слов одного из литовских дипломатов, на которого ссылался в своём дневнике Г.А. Астахов: «В случае войны СССР будет нести на себе основную тяжесть жертв, в то время как Англия и Франция зако-

паются в землю и будут ограничиваться перестрелкой и пусканием ракет. Решающих действий на западном фронте не произойдет»³⁶.

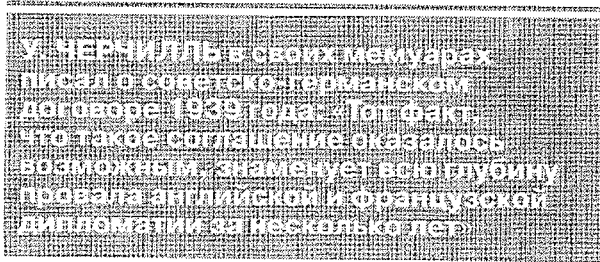
Не добившись толку от Англии и Франции, СССР заключил договор о ненападении с Германией.

Что касается моральной точки зрения, то следует отметить, что никакие представители западной демократии не имеют права обсуждать договор СССР с Германией. Как справедливо заметил американский журналист У. Ширер, «если Чемберлен поступил честно и благородно, умиротворив Гитлера и отдав ему в 1938 году Чехословакию, то почему же Сталин повёл себя нечестно и неблагородно, умиротворяя через год Гитлера Польшей, которая всё равно отказалась от советской помощи?»³⁷.

То же можно говорить и об оценках с точки зрения так называемых ленинских норм внешней политики, от которых якобы отошёл СССР, подписывая договор с Германией.

СОВЕТСКИЙ Союз заключил пакт о ненападении с Германией, и в результате вместо того чтобы блокироваться против него, Германия и Англия с Францией начали войну между собой. СССР получил возможность вступить в войну позже других участников, имея к тому же некоторую свободу выбора — на чьей стороне выступить.

Советское руководство, анализируя развитие событий в ходе начавшейся Второй мировой войны, делало вывод, озвученный И.В. Сталиным 7 сентября 1939 года в ходе беседы с руководителями Коминтерна: «Война идёт между двумя группами капиталистических стран... за передел мира, за господство над миром! Мы не прочь, чтобы они подрались хорошенько и ослабили друг друга... Мы можем маневрировать, подталкивать одну сторону против другой, чтобы лучше разодрались»³⁸.

Необходимо также учитывать, что летом 1939 года советские войска вели тяжёлые бои с японцами на реке Халхин-Гол. Поскольку Япония была союзницей Германии по Антикоминтерновскому пакту, заключение советско-германского договора было воспринято в Токио как предательство. По этому поводу временный поверенный в делах СССР в Японии Н.И. Генералов в телеграмме от 24 августа 1939 года сообщал: «Известие о заключении пакта о ненападении между СССР и Германией произвело здесь ошеломляющее впечатление, приведя в явную растерянность, особенно военщину и фашистский лагерь»³⁹.

Отношения между «третьим рейхом» и его дальневосточным союзником оказались из-

рядно подпорчены. Вследствие этого японские правящие круги сделали выбор в пользу «Южного варианта», предполагавшего войну с Англией и США. Как известно, после нападения Германии на СССР Япония так и не выступила против Советского Союза.

Таким образом, заключив 19 августа 1939 года советско-германское экономическое соглашение, а 23 августа — так называемый пакт Молотова — Риббентропа, СССР смог отодвинуть на некоторое время войну от своих границ.

СОВЕТСКОЕ правительство учитывало, что провозглашённые А. Гитлером ещё в 1925 году на страницах «Майн кампф» идеи об «обращении на Восток» и расширении немецкого жизненного пространства за счёт Советского Союза неоднократно повторялись им как до прихода к власти, так и после, в том числе на первой встрече с генералами рейхсвера 3 февраля 1933 года. Однако в «ступенчатой программе» агрессии, как её назвал немецкий историк А. Хилльгрубер, Гитлеру предстояло пройти ряд этапов до осуществления своего плана «разгрома большевизма», что и было последовательно осуществлено сначала в 1938 году (Австрия, Чехословакия, Мемель), затем в 1939-м (Польша) и, наконец, в 1940 году (Дания, Норвегия, Голландия, Бельгия, Франция). Но даже в период действия советско-германского договора он неоднократно говорил о том, что «его внешняя политика и в дальнейшем будет направлена к тому, чтобы разгромить большевизм» (свидетельство адъютанта А. Гитлера полковника Н. фон Белова). Обосновывая перед генералитетом 22 августа 1939 года заключение пакта о ненападении с Советским Союзом, Гитлер заявил, что «тем не менее, позже разгромит СССР». Уже 17 октября 1939 года им был отдан приказ о подготовке бывшей польской территории для «развёртывания войск»⁴⁰. Непосредственно перед нападением на Францию Гитлер указал, что после этой операции вермахт должен быть готов «к большим операциям на Востоке».

К сожалению, в полной мере воплотить в жизнь советские планы не представилось возможным. Западные державы были легко разгромлены, и в руках у Гитлера оказались ресурсы почти всей Европы. Однако даже с учётом этого обстоятельства советско-германское соглашение на то время являлось наилучшим выходом в сложившейся к августу 1939 года ситуации. В условиях надвигавшейся войны в Кремле было решено принять настойчиво предлагавшееся гитлеровской Германией улучшение отношений между двумя странами. Кроме того, германские дипломаты ясно давали понять, что они готовы идти на далеко идущие уступки пожеланиям СССР⁴¹.

Уже после окончания войны У. Черчилль в своих мемуарах писал о советско-германском договоре: «Невозможно сказать, кому он внушал большее отвращение — Гитлеру или Сталину. Оба сознавали, что это могло быть только временной мерой, продиктованной обстоятельствами. Антагонизм между двумя империями и системами был смертельным. Сталин, без сомнения, думал, что Гитлер будет менее опасным врагом для России после года войны против западных держав. Гитлер следовал своему методу

«поодиночке». Тот факт, что такое соглашение оказалось возможным, знаменует всю глубину провала английской и французской дипломатии за несколько лет»⁴².

В аргументации сторонников отделения Прибалтийских республик от СССР как в 1990-е годы, так и в настоящее время наиболее часто используется утверждение, что договор от 23 августа 1939 года привел к «советской аннексии» Эстонии, Латвии и Литвы, то есть активно эксплуатируется тезис о советской оккупации. Обращает на себя внимание, что нижняя хронологическая граница для периода оккупации относится при этом к летним месяцам 1940 года — времени принятия парламентами государств Балтии актов о присоединении к СССР. В силу этого даже крайняя ангажированность эстонских, латвийских и литовских историков не позволяет им видеть в факте ввода советских войск акт оккупации, и тем самым они косвенно признают его объективную обусловленность. Трудно отрицать и тот факт, что советская сторона исключительно корректно выполняла статьи пактов о взаимопомощи, не допуская вмешательства во внутривнутриполитическую жизнь Балтийских государств.

Война в Европе, осознававшаяся советским руководством как реальная угроза столкновения в краткосрочной перспективе с Германией (заключённый в августе 1939 г. пакт рассматривался лишь в качестве временной отсрочки), побуждала к поиску дополнительных гарантий безопасности:

Подписание соответствующих соглашений с правительствами Эстонии, Латвии и Литвы о создании на территории государств Балтии советских военных баз становилось именно такими гарантиями: не только в собственно военной сфере, но и в политической, поскольку эти соглашения воспрепятствовали процессу военно-политического сближения этих стран с Германией.

У. Черчилль, указывая на жизненную необходимость для СССР улучшить свои стратегические позиции в преддверии войны с Германией, отмечал: «Им (Советам) нужно было силой или обманом оккупировать Прибалтийские государства и большую часть Польши, прежде чем на них нападут. Если их политика и была холодной расчётливой, то она была также в тот момент в высокой степени реалистичной»⁴³.

При оценке факта ввода советских войск на территорию Прибалтийских государств следует учитывать, что мировым сообществом в то время происшедшее было воспринято с пониманием — как объективно вынужденная мера, а не проявление экспансионистских замыслов. Фактически такое развитие событий было предопределено тем, что на протяжении всех 1930-х годов ведущие европейские державы отказывались предоставлять государствам Балтии какие-либо гарантии, считая неизбежной их абсорбцию либо Германией, либо СССР. Отстраненно наблюдать, как Прибалтика быстро превращается в зону исключительно германского влияния со всеми вытекающими из этого последствиями, советское политическое руководство не могло.

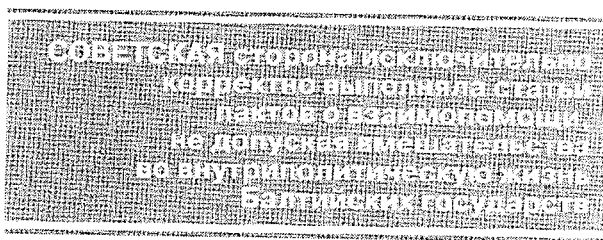
Было решено пойти на подписание договоров

с учётом незаинтересованности великих держав Европы в делах Прибалтики. Используя англо-франко-германские противоречия, СССР удалось установить контроль над стратегически важным регионом, усилить свои позиции на Балтийском море и создать плацдарм против Восточной Пруссии.

Здесь следует учитывать и фактор пространства, который неразрывно связан с фактором времени. Чем с большего расстояния начинали бы своё наступление немецкие войска, тем больше должны были снижаться возможности его продолжения. Ход Великой Отечественной войны показал, что этот фактор способствовал срыву планов гитлеровцев.

Советско-германский договор от 23 августа 1939 года, используемый в Прибалтийских государствах в качестве основы для претензий к Российской Федерации как правопреемнице СССР в тайном сговоре, в результате которого Эстония, Латвия и Литва вошли в его состав (следует отметить — по просьбам правительств и парламентов этих государств абсолютно добровольно), с точки зрения международного права был абсолютно правомочен. Все договоры, в том числе и этот, внесены в реестр Лиги Наций, членами которой могли являться только суверенные государства — субъекты международного права.

Вместе с тем следует отметить, что ни положения договора 23 августа 1939 года, ни устные договорённости, достигнутые в ходе консультаций, не устанавливали государственных границ между странами. Договор Советского Союза с Германией о дружбе и границах от 28 сентября 1939 года по своей сути являлся договорённостью «о невмешательстве» этих стран «в пределы определённых государств или территорий»⁴⁴. Так, объявление Литвы и значительной части Польши «сферой влияния» Германии в практике отношений последней с Советским государс-

ством «могло означать, что СССР не начнёт войны, если германские войска войдут на территорию этих стран»⁴⁵.

Руководство СССР, заключив новые соглашения о размещении дополнительных контингентов советских войск и сил флота в июне 1940 года в развитие заключённых осенью 1939-го соглашений, ввело их и начало готовить и осваивать занятые оборонительные рубежи в преддверии нападения нацистской Германии на Советский Союз.

Ради исторической правды надо сказать, что значительная доля ответственности за провал усилий по созданию коллективного противовеса фашистской агрессии лежит и на «малых» странах Европы. Романтическая вера в справедливость и защиту со стороны западных демок-

ратий, заигрывание вместе с тем с гитлеровской Германией, антисоветская зашоренность (нередко с антирусскими элементами) превратили их на некоторое время в фишки на мировой политической доске, где они не могли повлиять на ход событий⁴⁶.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ <http://www.inosmi.ru/translation/239456.html>
- ² Там же
- ³ Там же.
- ⁴ Мельтохов М.И. Советско-польские войны: Белый орёл против красной звезды. 2-е изд., испр. и доп. М.: Эксмо; Яуза, 2004. С. 285.
- ⁵ В 1924 г. из 384 тыс. жителей Данцига и прилегающей области 95 проц. были немцами. См.: Большая советская энциклопедия. 1-е изд. Т. 20. М., 1930. С. 414.
- ⁶ Там же. С. 421
- ⁷ Мельтохов М.И. Указ. соч. С. 285.
- ⁸ Там же. С. 294.
- ⁹ Год кризиса, 1938—1939: Документы и материалы: В 2 т. М.: Политиздат, 1990. Т. 2. 2 июня 1939 г. — 4 сентября 1939 г. С. 392.
- ¹⁰ Год кризиса, 1938—1939... Т. 1. 29 сентября 1938 г. — 31 мая 1939 г. С. 351.
- ¹¹ Цит. по: Фуллер Дж.Ф.Ч. Вторая мировая война 1939—1945 гг.: Стратегический и тактический обзор. М.: Иностр. лит., 1956. С. 37.
- ¹² Черчилль У. Вторая мировая война: В 3 кн. М.: Воениздат, 1991. Кн. 1. Т. 1. С. 173.
- ¹³ Год кризиса, 1938—1939. Т. 1. С. 6.
- ¹⁴ Там же. С. 386, 387.
- ¹⁵ Там же. Т. 2. С. 391.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Документы внешней политики (ДВП) [СССР]: 1939. Т. XXII: В 2 кн. М., 1992. Кн. 1: Январь—август. С. 339.
- ¹⁸ Там же. С. 338.
- ¹⁹ Год кризиса. 1938—1939... Т. 1. С. 389.
- ²⁰ Там же. С. 438, 439.
- ²¹ ДВП СССР. Т. XXII. Кн. 1. С. 342.
- ²² Там же. С. 355.
- ²³ Там же. С. 363.
- ²⁴ Очерки истории Министерства иностранных дел России. 1802—2002: В 3 т. Т. 2. 1917—2002 гг. М.: ОЛМА-Пресс, 2002. С. 245.
- ²⁵ Архив внешней политики (АВП) РФ. Ф. 017а. Оп. 1. П. 1. Д. 6. Л. 130.
- ²⁶ Год кризиса, 1938—1939... Т. 2. С. 403.
- ²⁷ Документы и материалы кануна второй мировой войны. 1937—1939. Сб. материалов в 2 т. Т. 2. Январь—август 1939 г. М., 1981. С. 168.
- ²⁸ Год кризиса, 1938—1939... Т. 2. С. 192, 193.
- ²⁹ Там же. С. 267.
- ³⁰ Там же. С. 212.
- ³¹ Там же. С. 216.
- ³² Там же. С. 228, 229.
- ³³ Мосли Л. Утраченное время. Как начиналась Вторая мировая война / Сокр. пер. с англ. Е. Федотова. М.: Воениздат, 1972. С. 301.
- ³⁴ Год кризиса, 1938—1939... Т. 2. С. 279.
- ³⁵ Z dziejow stosunkow polsko-radzieckich. Studia i materialy. Т. III. Warszawa, 1968. S. 262, 287.
- ³⁶ ДВП СССР. Т. XXII. Кн. 1. С. 588.
- ³⁷ Черчилль У. Указ. соч. Т. 1. С. 212.
- ³⁸ 1941 год: В 2 кн. М.: Международный фонд «Демократия», 1998. Кн. 2. С. 584.
- ³⁹ Год кризиса, 1938—1939... Т. 2. С. 322.
- ⁴⁰ См.: Generaloberst Halder F. Kriegstagebuch. Tägliche Aufzeichnungen des Chefs des Generalstabes des Heeres 1939—1942. Stuttgart: W. Kohlhammer Verlag, 1962—1964: Bd. 1. Vom Polenfeldzug bis zum Ende der Westoffensive (14.8.1939—30.6.1940). Stuttgart: W. Kohlhammer, VI, 1962. S. 107.
- ⁴¹ Очерки истории Министерства иностранных дел России. 1802—2002. Т. 2. С. 255.
- ⁴² Черчилль У. Указ. соч. С. 179, 180.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Емельянов Ю. Прибалтика. Почему они не любят Бронзового солдата? М.: Издатель Быстров, 2007. С. 232.
- ⁴⁵ Там же. С. 233.
- ⁴⁶ Очерки истории Министерства иностранных дел России. 1802—2002. Т. 2. С. 255.

Полковник С.Н. КОВАЛЁВ

• НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ
И ИНФОРМАЦИИ

ВОСПИТЫВАТЬ МОЛОДЁЖЬ
НА ПРИМЕРАХ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ

В Санкт-Петербурге, в г. Пушкине, в Первом пограничном кадетском корпусе (ППКК) ФСБ России имени Героя Советского Союза генерала армии А.В. Матросова состоялась научно-практическая конференция «Патриотическое воспитание подрастающего поколения на примерах истории», приуроченная к 10-летию Академии военно-исторических наук (АВИН). Организовали её Пушкинский муниципальный Совет, Местная администрация г. Пушкина, Первый пограничный кадетский корпус и Академия военно-исторических наук.

На конференции рассматривались проблемы разработки концепции и программы патриотического воспитания подрастающего поколения на примерах истории, обобщался имеющийся опыт. В её работе приняли участие ведущие учёные-историки Санкт-Петербурга, профессорско-преподавательский состав гражданских и военных вузов, школьные учителя, представители Санкт-Петербургского и всех 11 региональных отделений АВИН (Адыгейского, Алтайского, Верхне-Волжского, Волго-Вятского, Калининградского, Кузбасского, Средне-Волжского, Татарстанского, Уральского, Южно-Российского и Южно-Уральского), студенты петербургских вузов и кадеты ППКК.

Открыл конференцию и произнёс вступительное слово начальник Первого пограничного кадетского корпуса ФСБ России, вице-президент АВИН доктор исторических наук, профессор генерал-майор Э.М. Филиппов (г. Санкт-Петербург). С отчётным докладом об итогах 10-летней деятельности АВИН выступил вице-президент АВИН, глава муниципального образования г. Пушкина доктор исторических наук, доцент Н.Я. Гребенёв (г. Санкт-Петербург).

С основными докладами выступили вице-президент АВИН доктор исторических наук, профессор М.И. Фролов (г. Санкт-Петербург) — «К вопросу о воспитании патриотизма подрастающего поколения в современных условиях»; академик АВИН доктор исторических наук, профессор М.В. Ежов (г. Санкт-Петербург) — «Корпорация патриотического воспитания — проблемы и перспективы»; Н.Я. Гребенёв — «Роль Академии военно-исторических наук в патриотическом воспитании подрастающего поколения г. Пушкина»; заместитель главы муниципального образования г. Пушкина Л.Н. Северинова (г. Санкт-Петербург) — «Система патриотического воспитания на примерах военно-исторических походов молодёжи муниципального образования г. Пушкина»; академик АВИН доктор исторических наук, профессор В.Т. Анисков (г. Ярославль) — «Биографии выдающихся полководцев Отечества — важнейший фактор патриотического воспитания молодёжи». Также на конференции выступили председатель общественной организации «Память Балтики» контр-адмирал в отставке К.А. Шопотов (г. Санкт-Петербург); академик АВИН доктор исторических наук, профессор А.В. Фёдорова (г. Оренбург); академик АВИН доктор исторических наук, профессор А.А. Иванов (г. Казань); академик АВИН доктор исторических наук, профессор А.В. Сперанский (г. Екатеринбург); действительный член АВИН доктор исторических наук, профессор Е.М. Малышева (г. Майкоп); вице-президент Академии проблем безопасности, обороны и правопорядка доктор экономических наук, профессор С.А. Виноградов (г. Москва); действительный член АВИН представитель Союза юных участников обороны Ленинграда кандидат химических наук Ю.И. Колосов (г. Санкт-Петербург); академик АВИН доктор исторических наук, профессор Ю.А. Перчиков (г. Нижний Новгород); ветераны Великой Отечественной войны И.Д. Ходанович, Л.А. Виноградов, А.И. Бурлаков и А.П. Гаврин (все из г. Санкт-Петербурга); заместитель главного редактора «Военно-исторического журнала» кандидат исторических наук подполковник С.В. Аверченко и другие.

В завершении конференции состоялись торжественный приём в АВИН новых членов и награждение ряда участников за большой вклад в дело воспитания подрастающего поколения медалями АВИН «За заслуги» и «За отличие».

Лев Мельников,
академик Российской академии космонавтики
имени К. Э. Циолковского

ПОЧЕМУ МЫ ПОБЕДИЛИ

Сегодня зачастую нам приходится оправдываться за то, что мы освободили Европу от фашизма. Оказывается, мы что-то кому-то ещё и должны...

Как это было? Сел Иосиф Виссарионович в кремлёвском кабинете за своей знаменитый письменный стол с зелёным сукном и задумался. Справа – фашисты, слева – капиталисты. И те, и другие мечтают сокрушить СССР. В одной упаковке Муссолини, Гитлер и японский император Хирохито. В другой – Чемберлен с Черчиллем, Клемансо, Пуанкаре и Петен во Франции, Пилсудский в Польше... По сути – два фронта. А это, как известно, и невыгодно, и опасно. Как уцелеть в такой обстановке?

«Многовековая история нашей Родины, – говорил генерал Валентин Варенников, – это постоянная борьба за свою независимость. И так уж сложилось, что народ, населяющий Россию, превратился в народ-воин, который в любое время готов был взять в руки щит и меч, чтобы отстаивать честь и независимость Отечества».

Итак, с запада напирал тевтон. На пропагандистском плакате тех времён фюрера изображали этаким рыцарем Вотаном из опер Вагнера, подчёркивая причастность германцев к истинному арийству. Мюнхенский сговор полностью развязал ему руки. А Чемберлен вернулся в Англию радостным: я привёз вам мир на все времена! – имея в виду пакт, заключённый Великобританией и Германией. Теперь-то мы знаем, что это был за мир.

Гитлер, поигрывая железной тевтонской рукавицей, потребовал у Чехословакии Судеты, сожрал их, а потом проглотил и всю страну. Увы, германские войска там встречали крайне доброжелательно – такова политическая близорукость людская. Затем фюрер слопал Австрию, даром что сам был австрияк. Демократия западная промолчала в обоих случаях. Соединённые Штаты за океаном сидели

тихо, в европейские дела не вмешивались. Выжидали. Обычная для них тактика. Муссолини потихоньку разбойничал в Африке: вспомнил о римских предках. Демократия и тут молчала. Польша под шумок и с согласия тевтонца отхватила кусок Чехословакии. Как это было недальновидно! Гитлер, воображивший себя Вотаном, готовился к броску на «остен», а на «остен» прежде всего Польша и лежала.

Видит Сталин – дела плохи. Фюрер слюной брызжет: «Немцы, я решил доверить вашу судьбу нашим солдатам!» Геббельс вещает: «На востоке лежит рыхлая страна, колосс на глиняных ногах». Там, мол, покорный народ, сало и свинина для германцев, руда и уголь для короля стали Круппа.

Решил Сталин призвать в союзники Клемансо с черчиллями. Приехали они. Держатся спесиво, речи ведут горделивые, на вождя смотрят свысока, на союз не соглашаются. Да и зачем? Они были заинтересованы в схватке Германии и СССР – пусть перегрызутся, авось Гитлеру не до них будет. С этим и уехали восвояси. Оставаясь, вождь, один на один с немцем. Ты им помогал, Геринга обучал в лёгкой школе в Липецке, Гудериана – на танковых полигонах в Казани. Да, было такое. Тогда, в 20–30-е годы, Советский Союз был в полной изоляции благодаря этой самой Антанте. Пришлось брать в союзники «обиженную» после поражения в Первой мировой войне Германию. Наш будущий враг был тогда унижен и ограблен союзниками и охотно пошёл на сотрудничество с СССР.

Адольф Гитлер был медиум и, как он считал, по воле высших сил видел будущее суперсущество, «светящегося человека», который сменит нынешнее ослабленное поколение людей. Себя он поставил на службу этой высшей миссии. Проглотив Польшу, предложил Сталину кусок. Вначале оба лидера вроде бы мирно поделили часть Восточной Европы. Оккупация это была? Скорее всего, военная, прагматическая необходимость.

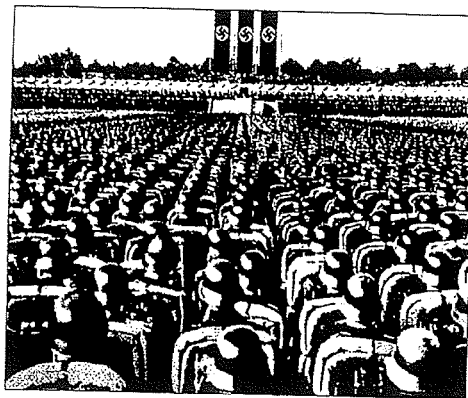
А что Сталин был прагматик, теперь ни для кого не секрет.

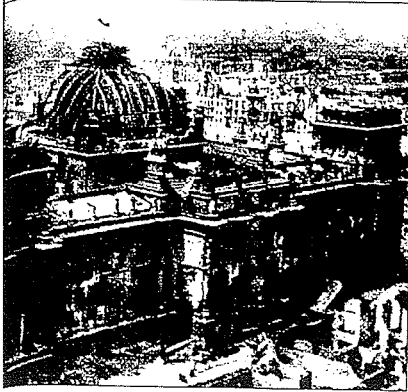
Антанта наконец подняла вой – Польша была её союзником. В войну вступили Франция и Великобритания. Началась Вторая мировая.

В Москву приехал Риббентроп. Встретившись с Молотовым, подписал пакт о ненападении. Тоже неоднозначный шаг. Но, возможно, единственно оправданный в той обстановке. Надо было выиграть время, перевооружить армию. У нас уже были новые образцы танков и самолётов, но их ещё не поставили на поток. Учитывая темпы экономического роста СССР и индустриализации, через год-другой мы могли бы обойти Германию по всем параметрам Гитлер понимал это и потому решил: надо нападать, пока СССР не усилился. Был разработан план молниеносной войны – план «Барбаросса».

Сталин воспользовался своим правом и вернул земли Западной Белоруссии и Западной Украины, исторически входившие в состав Российской империи и потерянные в результате Брестского мира. Литва получила Вильнюс. Немецкие и советские солдаты встретились на общей границе. Было ясно – война близка. Немцы задирались, устраивали провокации. Наши в драку не вязывались...

Черчилль с Керзоном интриговали, натравливали немцев на восточных соседей. Это, кстати, был единственно разумный шаг для англичан, в противном случае они были бы обречены. Германское командование готовило высадку войск на Британские острова. Солдаты в серой униформе с лёгкостью захватили Париж и промаршировали по Елисейским полям. Эдит Пиаф, французский воробышек, пела в кабаре германским солдатам, Коко Шанель крутила роман с германским аташе в Париже (её обуревал страх, что Сталин захватит Европу!) и развила бурную деятельность по налаживанию связей между своим старым приятелем Черчиллем и вы-

шим германским командованием. Очень надеялась на помощь и содействие бригаденфюрера СС Вальтера Шелленберга, протеже Гиммлера. Черчилль не клонул на удочку Шанель.

В Лондоне рушились дома от взрывов немецких бомб. В небе Британии шли жестокие бои между люфтваффе и спитфайерами. Немецкие морские волки рвали на куски британские крейсера, канонерки и торговые суда. Медленно, но верно Британия проигрывала битву.

Политика – дело подлое и морали неподсудное. «У Англии нет друзей, – говорил вечно подвыпивший Черчилль, – есть интересы». Ну а ради интересов почему бы не обратиться к заклятому врагу, к Сталину, за помощью? И высокообразованный аристократ, сын лорда решил обратиться к сыну сапожника за содействием и сочувствием.

А тем временем немецкие перебежчики уже указывают близкую дату войны с Советской Россией: май или июнь 1941-го. О том же докладывают и наши разведчики. Но идут в Берлин поезда, гружённые советским зерном, углём, нефтью. Глупость нашего руководства? Ничуть. Взамен к нам везли танки и новейшие самолёты. Немцы знакомили наших военных с самыми передовыми технологиями, зная, что Советы не успеют воспользоваться ими. Однако как раз эти знания вскоре и пригодились. Предупреждал же Бисмарк: не нападайте на Россию – это роковой шаг. Надо отдать должное и военному преступнику Герингу, тренировавшемуся на российских лётных полях, – он не хотел этой войны. Многие германские генералы не хотели этой войны, но подчинились воинской дисциплине. Среди них был и Гудериан.

Немцы проиграли битву под Москвой. Дорого дался им Сталинград. Разбомбив город, они вдруг увидели над ним чёрный крест из дыма. А крест – это знак свыше... Об этом рассказали немецкие ветераны в западногерманском фильме «Сталин-

град» (на наших телеэкранах он прошёл в 2003 году). Тоскливо пели псы-рыцари свои песни, вдохновляли себя сакральными рисунками: рисовали Мадонну и ангелов. Не помогло.

А в Европе зауважали русского солдата, стали подлизываться к советскому вождю. Политикам вдруг стало ясно: неминуемой победой надо умело распорядиться. Каждому, конечно же, хотелось в свою пользу – политика дело безразличное. И засобирались вечно подвыпивший аристократ Черчилль и симпатичный аристократ Рузвельт на Ялтинскую конференцию. Сталина «союзники» эти прозвали этак ласково – Дядюшка Джо. Вождь, узнав, страшно обиделся. Он сам пошутить любил, но шутки в свой адрес не позволял. Едва не вышел международный скандал.

Черчилль на переговорах пытался сопротивляться железной логике Дядюшки Джо. Рузвельт свою думу думал: неплохо было бы после войны поделить мир между США и СССР. Вот такой была раскладка тогда на международной арене.

Сталин настаивал на открытии второго фронта. Об этом шла речь на следующей, Тегеранской конференции. Помощь была обещана. Американский президент был во власти обаяния нашего вождя (об этом неплохо бы знать нашим школьникам), но он уже плохо себя чувствовал, на заседаниях подрёмывал и целиком отдал решение вопросов Сталину и Черчиллю (в чём американские и вообще западные историки Рузвельта и обвиняют). Ну а Черчилль проигрывал Сталину по всем статьям. Это была победа нашей дипломатии.

На Потсдамской конференции стран-победительниц Рузвельта уже не было. Гороскоп, составленный для Гитлера и Геббельса, предвещал благоприятное для Германии событие на 1945 год. По крайней мере, так говорили звёзды. Вполне можно было так истолковать смерть Рузвельта. Ведь Большая тройка в результате прекратила существование. В Потсдам приехал

новый президент США. Трумэн, новичок в политике, имел вид профессора богословия. Черчилля в Потсдаме сменил Эттли – англичане даже на переправе могут менять коней. Эттли не удалось отстоять интересы трещавшей по швам Британской империи. На Потсдамской конференции условия диктовал Сталин. Это тоже была победа нашей дипломатии.

Австрийский канцлер Бруно Крайский получил разрешение занять свой пост. Болгарскому царю было разрешено проживать в Болгарии. Примчался в Москву за поддержкой де Голль. Приезжал на поклон гордый Иосип Броз Тито. Своих людей поставили в Польшу, Венгрии, Чехословакии, Болгарии, Румынии. Греции было оказано содействие (затем её Сталин уступил в пользу Великобритании в обмен на Польшу). Финляндия обязалась сохранять мир с Россией. Турция заискивала. Китай просылался для борьбы и видел в СССР надёжного союзника (Мао трое суток ждал приёма у Сталина, проживая в простом вагончике). Германию поделили на две части. Американцы услужливо предложили Дядюшке Джо половину Японии – для установления оккупационного режима. Сталин прозорливо отказался от этой головной боли, и американцы оккупировали Японию в одиночестве.

Черчилль ужаснулся открывшейся перспективе полной потери влияния в Европе для западных режимов. Говорят, военные в мае 1945 года положили ему на стол план атомной бомбардировки частей Красной Армии, занявших Берлин. Ему было известно, что Георгий Жуков уже предложил одним марш-броском дойти до Ла-Манша. Хватило у хитрого британского лиса благоразумия не дать ход плану бомбардировки. Бог уберёт!

Вы всё ещё хотите знать, почему мы победили, благодаря кому? К 60-летию Великой Победы в Москве был сооружён памятник... генералу де Голлю. Вот теперь всё ясно. Спасибо генералу де Голлю...

К. Симонов

МИТИНГ В КАНАДЕ

Я вышел на трибуну, в зал,
Мне зал напоминал войну,
А тишина — ту тишину,
Что обрывает первый залп.
Мы были предупреждены
О том, что первых три ряда
Нас освистать пришли сюда
В знак объявления нам войны.
Я вышел и увидел их,
Их в трех рядах, их в двух шагах
Их — злобных, сытых, молодых,
В плащах, со жвачками в зубах,
В карман — рука, зубов оскал,
Подошвы — на погу нога...
Так вот оно, лицо врага!
А сзади только черный зал,
И я не вижу лиц друзей,
Хотя они, наверно, есть,
Хотя они, наверно, здесь.
Но их ряды — там, где темней,
Наверно там, наверно так,
Но пусть хоть их глаза горят,
Чтоб я их видел, как маяк!
За третьим рядом полный мрак,
В лицо мне курит первый ряд.
Почувствовав почти ожог,
Шагнув, я начинаю речь.
Ее начало — как прыжок
В атаку, чтоб уже не лечь.
— Россия, Сталин, Сталинград! —
Три первые ряда молчат.
Но где-то сзади легкий шум,
И, прежде чем пришло на ум,
Через молчащие ряды,
Вдруг, как обвал, как вал воды,

Как сдвинувшаяся гора,
Навстречу рушится «ура»!
Уж за полночь, и далеко,
А митинг все еще идет,
И зал встает, и зал поет,
И в зале дышится легко.
А первых три ряда молчат,
Молчат, чтоб не было беды,
Молчат, набравши в рот воды,
Молчат — четвертый час подряд!

Но я конца не рассказал,
А он простой: теперь, когда
Войной грозят нам, я всегда
Припоминаю этот зал.
Зал!

А не первых три ряда.

194-30

Владимир Васильевич Серебрянников -

генерал-лейтенант авиации в отставке. Участник Великой Отечественной войны 1941-1945 гг., прослужил в Вооруженных силах 46 лет.

В 1991-1993 гг. - советник Председателя Верховного совета России по военно-политическим вопросам. С 1994 г. главный научный сотрудник института социально-политических исследований РАН. Автор 22 книг, в том числе "Социология войны", "Войны России: социально-политические аспекты", "Власть и безопасность", "Армия и общество" и др.